

Совсем одряхлел Нумукэ-кузнец, ногам его становилось с каждым днем все труднее носить костлявое согбенное тело. Голова с жиденькой бородкой и остатками седых, похожих на комочки хлопка волос так и валилась на грудь.

Большого труда стоило теперь Нумукэ добрести до священного леса, чтобы полить кислым молоком и куриной кровью подножия деревьев и резных столбов, под которыми покоились души предков. Тиени, сын старика кузнеца, был слишком молод, а потому не знал священных обычаев племени и не знал, кому следует приносить жертвы. Он даже еще не входил в хижину взрослых мужчин.

И вот старик Нумукэ в последний раз кое-как дотащился до священного леса и отнес туда тотем Боли, самый старый из тотемов кузнецов,— маленькую деревянную фигурку со скрюченными ногами, узловатыми руками, выпуклым пупком и торчащими вверх огромными, как калесасы, ушами. Нумукэ помолился тотему Боли, принес его обратно и прислонил к большому столбу, который

поддерживал травяную кровлю кузницы.

Каждый день старый Нумукэ, прежде чем разжечь угли в горне, лил у скрюченных ног Боли молоко и долго молился. Он говорил:

Боли, заступись за меня

Перед теми, кто живет без огня!

Скажи им, что я ни разу

Не ослушался их приказа!

На седьмой день старик Нумукэ начал ковать в своей кузнице мотыги. Мехи раздувал юный Тиени, который уже завтра должен был войти в хижину взрослых мужчин. И тут вдруг тень Боли превратилась в сильного юношу. Вошел юноша в кузницу и спросил:

— Не найдется ли для меня работы?

Старый Нумукэ сразу взял его в подручные. И юноша встал к мехам.

И с этого дня все, кто шел мимо кузницы, только и слышали, как быстро дышат мехи горна и как весело стучат молоты.

С рассвета до заката работал юноша и пел, и песня его возвращала силы старому кузнецу:

Бей, не желей!

Бей, не желей!

Бей сильнее!

Вниз! Вниз!

Мехи горна вторили с тяжким вздохом:

Ух, вниз! Вниз!

Куда листья падают? Вниз!

Куда солнце уходит? Вниз!

Все Туда, вниз!

Вниз!

Мехи горна словно спрашивали:

Ух, куда?

Ух, куда?

Ух, куда?

И юноша им отвечал:

Все вниз!

Все вниз!

Все теряет силу!

— Ух, куда? — вопрошали мехи.— Ух, куда? И юноша им отвечал:

Все туда же, вниз!

Все туда же,

В могилу!

И каждое утро старый кузнец лил кислое молоко из маленького калебаса у подножия статуэтки Боли и возносил молитвы душам предков:

Боли, передай поклон моим предкам

И скажи им, что Нумукэ

Не ослушался их ни разу,

Всегда выполнял их волю,

Всегда выполнял их наказания.

И весь день до заката в кузнице слышался перестук молотков и молотов с наковальней, и звон щипцов, и песни юноши подмастерья.

Но вот предки наконец призвали к себе старого Нумукэ, и он ушел в иную страну. Впереди него пошли все добрые деяния кузнеца, которые каждый день его жизни видело и собирало солнце.

Тиени же вышел из хижины взрослых мужчин и отправился на восток, чтобы повидать другие земли и других мастеров.

По прошествии должного срока вернулся Тиени в отцовскую кузню и взялся за молот и клещи.

И по-прежнему с самого утра в горне багровел и трещал огонь, разбрасывая озорные искры, по-прежнему хрипели мехи, и по-прежнему весело пел молодой подмастерье,— такой же веселый и молодой, как в тот день, когда он впервые появился в старой кузнице.

Тиени заявлялся в кузню попозже и нехотя брался за молот. Но раньше чем приняться за дело, раньше чем отковать железную или медную полосу, раньше чем вытянуть золотую или серебряную нить, он каждое утро подходил к большому столбу и с размаху бил молотом по голове Боли. Бил и приговаривал:

Вот тебе, Боли кривоногий!

Вот тебе, Боли лопухий!

Вот тебе, толстопузый!

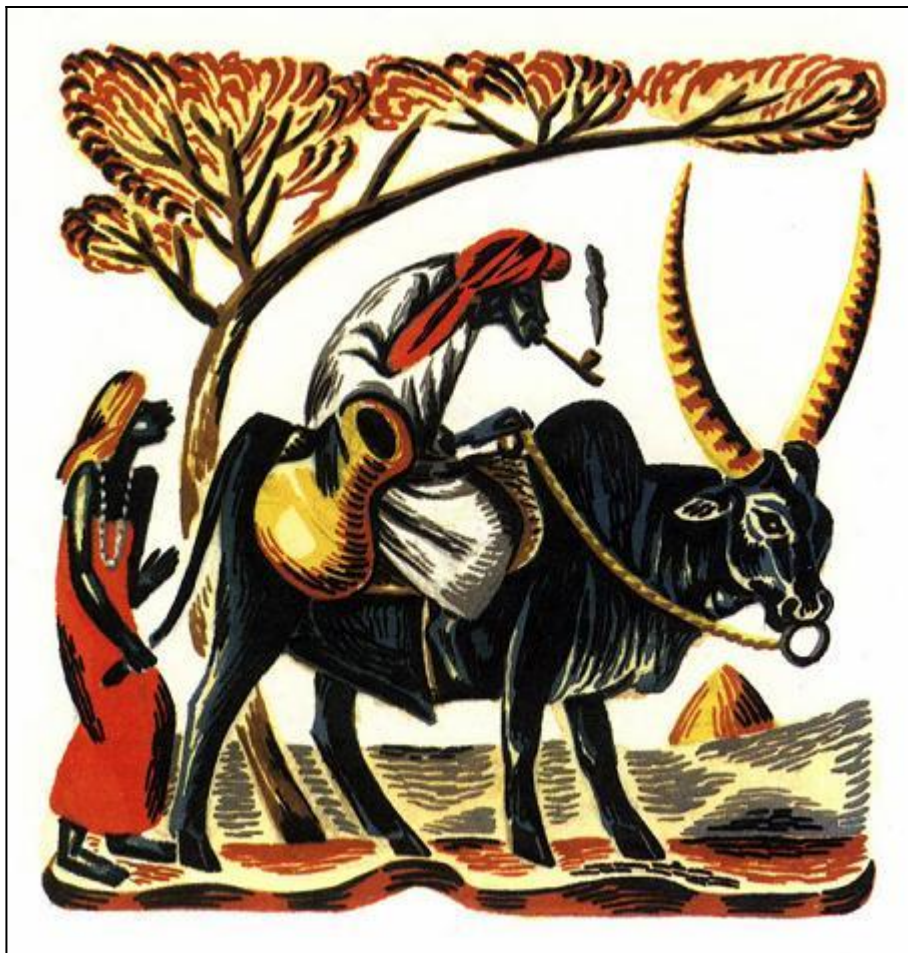
Вот тебе, длиннорукий!

Вот тебе, вот!

И не очень-то спешил после этого приняться за дело.

Чаще всего Тиени даже не подходил к наковальне.

Юный подмастерье — все такой же юный! — один справлялся со всей работой, один выполнял все заказы. Он выполнял заказы жителей всей деревни и жителей соседних деревень, и ближних и дальних. Он изготовлял драгоценные украшения, и простые мотыги, и топоры, и узорные стремена, он ковал кинжалы, и сабли, и наконечники для стрел, все делал быстро-быстро и пел не уставая:

Вниз! Вниз!
 Все теряет силу!
 Все падает вниз!
 А любопытные мехи пыхтели и
 вопрошали:
 Ух, куда?
 Ух, куда?
 Ух, куда?
 И юноша им отвечал:
 Все туда же,
 В могилу!
 Кочевники-скотоводы и
 крестьяне-земледельцы редко
 ладят между собой.
 Вода в колодцах для всех
 драгоценна, и все ее берегут.
 Но попробуй устеречь урожай
 на полях от быстроногих
 мальчишек, сыновей
 кочевников!
 Да и сами кочевники-
 скотоводы — мавры, фула или
 пурони — были такими
 невежами, что совсем не
 заботились о том, что

подумают о них или скажут простые земледельцы. Эти домоседы крестьяне, считали они, не видели ничего в своей жизни, кроме куч отбросов.

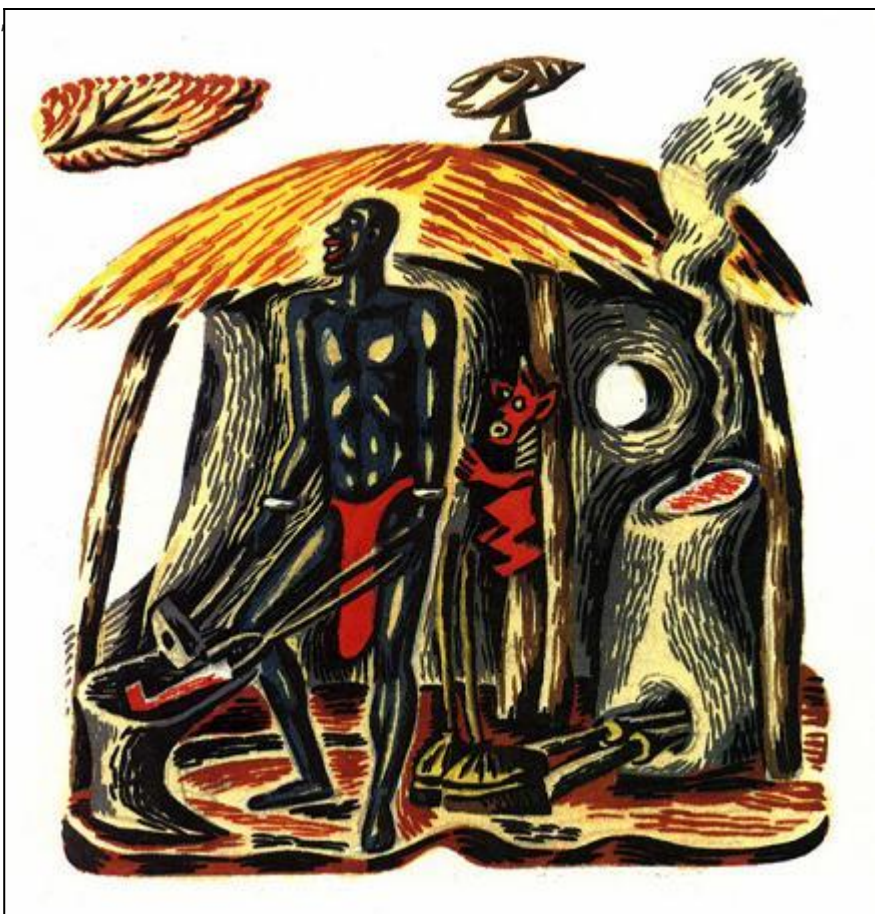
И однако в Кородугу, родной деревне покойного старого кузнеца Нумукэ, крестьяне всегда хорошо принимали кочевников-скотоводов, будь то мавры, фула или пурони.

Правда, и пастухи относились к земледельцам с уважением и проходили через их деревню со своими стадами только в урочное время. А наступало это время после сбора урожая. Стада кочевников проходили по уже пустым полям и унаваживали скудные земли Кородугу, готовя их для будущих посевов. Поэтому вождь Фама позволял кочевникам свободно проходить по своей стране, и все крестьяне радовались, что могут хоть на время заменить растительное масло каримэ

коровьим маслом — и для стряпни. Однажды старуха пастушка Дебо въехала одна в деревню Кородугу на своем верховом быке. Только маленькая служанка Аида бежала за ней рысцой.

Дебо оставила своего мужа, старика Мавдо, на солончаковых землях, где их стадо откармливалось и набиралось сил.

Дебо была стара, очень стара! Но Мавдо был еще старше. Однако он надеялся, что соленые земли вернут ему бодрость и силу, как и его стадам. И тогда его старой жене не придется одной странствовать с ним по саванне, не придется одной готовить скудную еду один раз в день к вечеру, ибо фула едят всего один раз. Недаром они говорят: «Для стряпни достаточно одной жены!»

Старуха Дебо приехала в деревню Кородугу на базар, чтобы продать кислое молоко и купить соли и толченых плодов баобаба для кускуса. Но, проезжая мимо кузницы старика Нумукэ, она вдруг услышала, как перезваниваются молот, и наковальня, и клещи и как весело поет юный подмастерье — все такой же юный! — и как вопрошают его мехи:

Ух, куда?

Ух, куда?

Ух, куда?

Вниз, вниз!

Вниз, теряя силу!

Ух, куда?

В могилу!

Старая Дебо дернула за веревку, веревка дернула за кольцо, кольцо дернуло быка за ноздри. Дебо слезла с быка и сунула конец веревки в руки своей маленькой служанке. А сама подошла к кузнице.

— Входи, добрая женщина! Входи, бабушка! — приветствовал ее юноша подмастерье; он был в кузнице один в этот час.— Входи, здесь возвращают молодость старым людям, даже очень старым. Старуха Дебо вошла.

— Правду ты говоришь, кузнец?

— Дай мне бурдюк с кислым молоком, что ты привезла на быке!

Маленькая служанка отцепила бурдюк с кислым молоком и внесла его в кузницу.

— Если ты вернешь мне молодость, что ты возьмешь за это?

— Ты мне отдашь первого теленка от самой молоденькой из твоих телок.

Мехи сами собой вздымались и опадали, раздувая в горне огонь.

Юный подмастерье — все такой же юный! — схватил старую Дебо и бросил ее в огонь. Своими клещами он начал поворачивать и переворачивать ее тело, пока в горне не остались одни горелые

кости. Вынув эти кости, он бросил их в чан из красного дерева, где всегда охлаждал раскаленный металл: серебро или золото, медь или железо, затем вылил в чан кислое молоко из бурдюка и трижды сосчитал до семи.

И вот из чана вышла Дебо, еще более прекрасная и юная, чем в день своей свадьбы с Мавдо,— а с тех пор прошло столько лет странствий между песками пустынь и большими реками, что она и сама уже не могла сосчитать!..

Когда Дебо вернулась на солончаковые земли, ни старый Мавдо, ни другие старики и старухи и, уж конечно, никто из молодых пастухов не поверил своим глазам.

— Видишь, я снова хороша и молода,— сказала Дебо Мавдо.— И конечно, ты сам понимаешь, что мне не нужен такой старый муж! Ведь ты мне в прадеды годишься! Если хочешь, чтобы я осталась с тобой, иди в деревню Кородугу и найди там кузнеца, который вернул мне молодость. Ступай, он с тебя спросит всего одного теленка, который родится лишь через три года от самой молоденькой нашей телки.

Мавдо отправился в деревню Кородугу. За ним пошли пожилые пастухи, и молодые пастухи, и много женщин, и сама Дебо со своей маленькой служанкой Аидой.

Когда фула пришли в деревню, кузница встретила их безмолвием: не дышали мехи, не трещали уголья в горне: огонь погас. Только тень Боли, по-прежнему стоявшего у главного столба, на который опиралась крыша кузни, только тень Боли простиралась до самого порога.

Наконец в час, когда солнце стояло уже высоко и жгло яростно и беспощадно, появился в кузницу Тиени.

И замер в изумлении. Зачем это столько пастухов-кочевников собралось перед его старой кузницей?

Но Мавдо не дал ему времени на расспросы. Он сразу сказал:

— Сотвори со мной то же самое, что ты сделал с этой женщиной, ибо она пока еще моя жена. Сделай меня молодым!

— Это был не он,— вмешалась Дебо.— Это был совсем молоденький парень. Наверное, его подмастерье.

— Сделать тебя молодым?— изумился и испугался Тиени.— Да как же я тебя омоложу, если ты уже стоишь одной ногой в могиле?

— Да, верни мне молодость, и я отдам тебе всю мою часть в нашем стаде — не то что какого-то одного теленка.

— Как же я это сделаю?

— Так же, как твой подмастерье, молоденький парень, который вернул юность той, кто пока еще моя жена. Мастер должен уметь все, что умеет его подмастерье.

— А что сделал мой подмастерье?

— Он попросил у меня бурдюк с кислым молоком,— ответила Дебо.— Затем он схватил меня и бросил в огонь. Я очнулась такой вот, как есть, в этом чане. И больше я ничего не знаю.

— Это сделал красавец юноша, который все время пел,— сказала Аида, маленькая служанка Дебо.

— Как же он это сделал? — спросили хором старый Мавдо, пожилые пастухи, молодые пастухи и все женщины, Тиени-кузнец и даже сама Дебо.

— Он схватил клещами тело моей старой госпожи и начал его поворачивать и переворачивать в огне горна, пока от нее не осталось ничего, кроме обугленных костей. Собрав кости, он бросил их в этот чан, сверху вылил кислое молоко из бурдюка, что я ему принесла, и трижды сосчитал до семи. И моя госпожа поднялась из чана прекрасной и юной.

— Если это все,— сказал Тиени,— я справлюсь не хуже моего подмастерья.

Он разжег огонь в горне. Молодой пастух принялся качать мехи, правда, с очень большой неохотой и лишь после того, как получил хорошую затрещину. Ибо это занятие не для фулы, даже если он и не достиг возраста воина. Но как мог он послушаться взрослых? Особенно когда речь шла о том, чтобы вернуть юность самому старому и почтенному человеку племени?

Тем временем огонь разгорался и удивлялся, что не слышит ответов на вопросы мехов:

Ух, куда?

Ух, куда?

Ух, куда?

Взял Тиени щипцы, обернулся и стукнул с размаху по голове Боли:

Вот тебе, Боли кривоногий!

Вот тебе, Боли лопухий!

Вот тебе, толстопузый!

Вот тебе, длиннорукий!

Вот тебе, вот!

Потом он схватил старика Мавдо, бросил его в огонь и стал поворачивать и переворачивать своими щипцами. Когда от иссохшего старого тела не осталось ничего, кроме обугленных костей, он бросил эти кости в чан. А сверху вылил два бурдюка кислого молока, которые принесли пастухи.

Затем Тиени-кузнец встал перед чаном и трижды сосчитал до семи.

Из чана с кислым молоком никто не появился. Только почерневшие кости плавали в молоке, как кусочки углей.

Тиени-кузнец сосчитал три раза до семи и еще три раза до семи. И все без толку!

Тиени-кузнец сосчитал трижды три раза до семи и еще трижды три до семи. И все без толку!

Солнце закатилось. Огонь в очаге погас. Мехи смолкли и заснули. Но фула, привыкшие обходиться одной трапезой в день в отличие от других людей, все еще терпеливо ждали.

Снова Тиени сосчитал трижды до семи, потом трижды три раза до семи, потом трижды трижды три до семи. Но в чане поверх кислого молока по-прежнему плавали только обугленные кости.

На рассвете Дебо начала голосить и рыдать. Пожилые пастухи и молодые пастухи заговорили громко и гневно.

А как раз в это время по дороге к священному лесу проезжал мимо сам вождь Фама со своими приближенными. Остановился он и спросил, что случилось в кузне, почему так шумят фула.

Красавица Дебо с воплями и рыданиями бросилась на землю перед конем вождя.

И все фула, пожилые пастухи и молодые, и все женщины, и служанки подтвердили:

— Да, он сжег нашего Мавдо и бросил его
 — Он должен был вернуть ему молодость, и вот что он с ним сделал!— рыдала безутешная Дебо.

Слуги вождя Фамы схватили кузнеца Тиени, связали его и повели за собой к священному лесу.

Но тут солнце вышло из своего жилища, и тень Боли отделилась от деревянной фигурки и превратилась в юного подмастерья,— все такого же юного!

Он подошел к чану с кислым молоком, в котором плавали обугленные кости, и трижды сосчитал до семи. Затем он вышел из кузницы и побежал за вождем Фамой, за всеми его слугами и приближенными и всеми пастухами, которые направлялись к священному

лесу.

Догнал юноша слуг, что вели кузнеца Тиени, связанного, как охапка хвороста. Приблизился и спросил:

— Куда ты идешь, хозяин?

— В священный лес,— ответил кузнец Тиени, дрожа и плача от страха.— Там перережут мне горло!

— Ответь, будешь ты снова оскорблять Боли словами или поступками? — спросил юноша.

— Никогда больше, никогда! Только спаси меня! — взмолился кузнец.

Тогда юноша догнал вождя Фаму и пошел рядом с его конем.

— Фам! — сказал юноша.— Кузнец ни в чем не виноват. Мавдо ждет нас в кузнице, здоровый и невредимый.

Развязали слуги кузнеца Тиени, и вся толпа во главе с вождем Фамой — его приближенные, пожилые фула и молодые фула и все женщины и служанки,— все вернулись в кузницу Нумукэ. И там увидели они старого Мавдо молодым и прекрасным, как в день его свадьбы с красоткой Дебо.

Вот с тех пор, с того случая с Тиени, ни один кузнец не осмеливается обижать свои тотемы. Ибо в них обитают духи давно ушедших предков.